

Американизм и европеизм в кризисе порядка

(начало на стр. 1)

Раджа Мохан в *Indian Express* даёт, пожалуй, самое точное резюме ситуации – как в отношении плана Трампа для Газы, так и в отношении непоследовательных действий вокруг Украины. Сила «великой державы», такой как США, в сочетании с «безграничным эгоизмом» и готовностью к «высокорискованным маневрам» может положить начало великим делам, но вряд ли этого будет достаточно: для установления мира нужны «настойчивость, компромисс и глубокое понимание динамики конфликта» – качества, которыми Трамп не обладает.

По мнению Фёдора Лукьянова, опубликованному «Российской газетой» (14.10.2025), Трамп «путь и в утилизированной форме» идеально воплощает американскую политическую культуру: «Целеустремлённый pragmatism, формулирование очень конкретных интересов, напор и бесцеремонность в достижении целей и пафосность на грани (или за гранью) дурного вкуса».

Лукьянов выражает сомнения по поводу чрезмерного бахвальства Трампа о «вечном мире» в Шарм-эль-Шейхе, которое следует отнести «к особенностям такого стиля», но должен признать, что «готовность всех вокруг восхищаться и подыгрывать – к желанию использовать момент для хоть какой-то стабилизации ситуации».

Это хорошо отражает позицию крупнейших держав, которые в разной степени и с разными акцентами поддерживают 20-пунктный план США: ЕС, Индии, Японии, Бразилии, России, Китая – причём две последние без особого энтузиазма. Совместный документ пяти арабских держав (Саудовская Аравия, Катар, Объединённые Арабские Эмираты, Иордания и Египет) и трёх стран-членов Организации исламского сотрудничества (Турция, Индонезия и Пакистан) подтверждает их согласие с планом, но при условии признания палестинского государства, в которое будут полностью интегрированы Газа и Западный берег. Аналогичная позиция, ориентированная на Палестинскую национальную администрацию, лежит в основе французско-саудовской инициативы, которая также выразилась в просьбе ведущих европейских держав о предоставлении мандата ООН, который обеспечил бы многостороннюю политическую поддержку международным миротворческим силам.

Соглашения Авраама были инициированы пять лет назад Трампом в конце его первого мандата и не были отменены Джо Байденом. Совершенно американская идея заключалась в том, что доходы нефтяных монархий Персидского залива в сочетании с промышленным и технологическим потенциалом Израиля могли бы запустить такой мощный цикл развития, который преодолел бы исторические этнические и религиозные противоречия, раздирающие регион. Взлёт этого рынка должен был привести к созданию коридора IMEC, будущего хлопкового пути, который, согласно замыслу, соединил бы Индо-Тихоокеанский регион со Средиземноморьем, став альтернативой или конкурентом Шёлковому пути, продвигаемому Китаем.

После ОАЭ, Бахрейна, Марокко – которое получило от США признание суверенитета над Западной Сахарой, – и Судана, остающегося на полпути из-за отсутствия окончательной ратификации, два года назад процесс достиг порога возможного присоединения Саудовской Аравии. В том контексте предполагалось, что бин Салман ограничится общим обещанием в будущем поддержать создание палестинского государства, при этом внешняя безопасность, в любом случае, оставалась бы в ведении Израиля.

Погром 7 октября прервал этот процесс. Согласованное или нет с Тегераном, нападение на кибуцы, унёсшее жизни 1200 человек и приведшее к захвату 251 заложника, стало воплощением противодействия *соглашениям Авраама* со стороны Ирана и его прокси – «дуги огня», объединявшей на тот момент ХАМАС в Газе, Хезболлу в Ливане, Сирию Асада, часть шиитских группировок в Ираке и хуситов в Йемене. Все эти силы служили щитом для иранской ядерной программы. С тех пор Израиль разрушил Газу и нанёс удары по всем прокси Ирана; в Сирии пал режим Асада, а бомбардировщики B-2 США как минимум ослабили ядерную программу Тегерана. Наконец, Израиль нанёс удар по каналу финансирования и поддержки ХАМАС в Катаре, которым сам годами пользовался для разделения Газы и Западного берега. Однако эта атака на Доху оказалась слишком рискованной и имела два последствия. Она подтолкнула Саудовскую Аравию к заключению

договора о взаимной обороне с Пакистаном, введя атомное сдерживание Исламабада в уравнение региональной силы, а также побудила Вашингтон начать действовать без промедления, заставив Биньямина Нетаньяху принять перемирие в Газе.

Спустя два года, с более чем 65.000 жертвами в Газе, с навсегда запятнанной репутацией Израиля – но без значительной реакции со стороны арабских стран – процесс *соглашений Авраама* возобновился в своей исходной форме. Иран оказался главным проигравшим и единственной региональной державой, исключённой из соглашений, со всеми вытекающими отсюда рисками. Однако не исключено, что идёт и неофициальное прощупывание почвы для привлечения к переговорам иранских мулл.

Риски провала очевидны и широко обсуждаются, и это может быть частью скрытых расчётов Москвы и, прежде всего, Пекина, которые демонстрируют сдержанную поддержку, оставляя Вашингтону бремя возможного фиаско трамповского триумфализма. Но если процесс действительно укоренится, то стоит вспомнить гипотезы, выдвинутые ещё в 1977 году в рамках нашего марксистского анализа. После провала “прусской” военной унификации в регионе мир между Израилем и Египтом тогда можно было рассматривать как зачаток решения типа *Zollverein*, то есть создания большой региональной зоны свободной торговли, которая часто обсуждалась в качестве дополнения к конфедеративной модели для Западного берега. Сегодня эта логика вновь проявляется в экономическом измерении *соглашений Авраама*. Если так, мы имеем сочетание двух процессов – военного и экономико-регионального – в рамках межимпериалистического соглашения. Разумеется, кровавое наследие десятков тысяч жертв в Газе становится новым, колоссальным, возможно непреодолимым препятствием, питающим и воспроизводящим в новых поколениях укоренившиеся ненависть и фанатизм.

Может ли эта структура стать международной гарантией безопасности всего региона или его части посредством картеля крупнейших держав? Об этом часто мечтал Генри Киссинджер, но его мечты так и не осуществились – старейшина американского реализма предлагал решения *по образцу Бельгии* времён европейского концерта XIX века для таких неразрешимых конфликтов, как Ирак или Афганистан. Это имело бы очевидные последствия для оценки *кризиса порядка*, при условии временной стабилизации и признания определённой роли Китая в этом устройстве.

Посмотрим: Средний Восток – земля обетованная для непредвиденных результатов; процессы перевооружения в каждой области, ситуации в каждой боевой точке противостояния идут в прямо противоположном направлении, в то время как *атлантический упадок* и утверждение Китая являются объективными тектоническими сдвигами, порождающими разрушительное напряжение, на которое дипломатия почти не способна повлиять. Мид сказал Дюкло: «*События сидят в седле и скачут на человечестве*»; между США и Китаем, как во время холодной войны, «*будут переходы от моментов разрядки*» и «*соглашений*» к «*всплескам напряжённости*» и «*жестокой враждебности*».

Можно отметить, что в настоящее время *план Трампа*, под оболочкой американского триумфализма, выглядит достаточно восприимчивым к другим инициативам, по крайней мере – европейским. Это относится к французско-саудовской инициативе, которая рассматривается как дополняющая основной план. Это касается и самого происхождения 20 пунктов плана, в котором ключевую роль сыграли бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр и Джонатан Пауэлл, советник Кира Стармера и дипломат с большим стажем, ключевая фигура *Соглашений Страстной пятницы* 1998 года, которые положили конец гражданской войне в Северной Ирландии. И это относится к европейскому предложению о мандате ООН. Поддержку со стороны США уже озвучил госсекретарь Марко Рубио, но само упоминание Организации Объединённых Наций имеет важный подтекст – вовлечение России и Китая, постоянных членов Совета Безопасности.

Здесь особая роль Европы требует размышлений. Уже в 1987 году в книге “*Menschen und Mächte*” (“Люди и силы”) историк и канцлер Германии Гельмут Шмидт сетовал на непостоянство и непредсказуемость внешней политики США с приходом *телевизионной демократии*, а также на недостаток знаний, который Вашингтон демонстрировал в отношении запутанного клубка «нерешённых и неразрешимых проблем» Большого Среднего Востока. Пространство для действий Европы тогда представляло собой скорее “игру на

отске" – ответную реакцию на американскую деятельность в этом регионе, – что было политикой «нестабильной» и «в основном основанной на надеждах».

Спустя сорок лет многое изменилось в глобальных отношениях между державами: распался СССР, произошло объединение Германии и Европы с созданием федерации еврозоны, на арену вышел Китай, а Атлантика переживает относительный упадок. В непрерывной череде конфликтов и массовых убийств, среди которых особенно выделяется *война по выбору* Джорджа Буша в Ираке с её *непреднамеренными последствиями*, многое изменилось и на Среднем Востоке. Среди великих держав Россия утратила своё прежнее значение, в игру вступили Китай и Индия, США колеблются между стремлением уйти и необходимостью сохранять присутствие, которое остаётся существенным и не имеющим себе равных по количеству людей, баз и средств. Среди средних держав одни находятся в упадке или потерпели поражение, такие как Иран, Ирак и Сирия; другие приобрели вес или инициативу, в том числе благодаря *кризису порядка*: это Турция, Саудовская Аравия, отчасти Египет и, разумеется, Израиль. Даже малые и очень малые державы играют свою роль, как Катар и ОАЭ. Из-за пределов региона в игру всё активнее вступают Пакистан и Индонезия.

То, что, по-видимому, не изменилось – а скорее ослабло из-за роли Турции в Ливии и кризиса Франции в её *pré carré*¹ в Африке к югу от Сахары, – это европейская «игра на отске», которая по-прежнему ограничена политическими и военными рамками ЕС. Романо Проди в беседе с Ван Вэнем из института «Чунъян», размещённой на сайте *Guancha*, даёт точную оценку сегодняшнего состояния европейского процесса: «*В настоящее время ЕС действительно ускоряет процесс автономизации, но традиции, сформировавшиеся на протяжении нескольких столетий, национальная идентичность и, прежде всего, система обороны не могут быть изменены в одноточье. Мы уже добились прогресса в координации военной промышленности, но в краткосрочной перспективе будет трудно добиться существенного прорыва. В будущем тенденция может колебаться, как маятник*».

Германский канцлер Фридрих Мерц в интервью *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung* затрагивает ключевой момент в нынешней динамике европеизма: «*Метод интеграции временно достиг своих пределов с 27 государствами-членами. Сейчас сотрудничество между правительствами имеет гораздо большее значение*». Мерц упоминает Францию, Польшу, Италию и Северную Европу в инициативах «желающих» в связи с войной на Украине: «*Многое происходит именно таким межправительственным образом*». То же самое можно сказать о соглашении между Thales, Airbus и Leonardo по спутникам, которое имеет в качестве модели MBDA в ракетной технике, где также участвуют британцы из BAE Systems.

Марио Драги ввёл понятие «*прагматического федерализма*», который, по его мнению, является единственным возможным путём и инструментом, «*способным действовать вне более медленных механизмов процесса принятия решений в ЕС*», объединяя «коалиции желающих вокруг общих стратегических интересов». Отметим, что именно этим путём ускорилось европейское перевооружение, а Лондон нашёл в нём прагматический способ пересмотра курса Брексита и восстановления связи с динамикой ЕС. В этом же направлении можно увидеть сочетание *евронационального* и *евроатлантического* подхода Джорджии Мелони, особенно в единстве с *евроатлантизмом* Берлина, что снижает значимость оговорок Рима относительно голосования большинством голосов в Европейском Совете по вопросам внешней политики и обороны.

Во взаимосвязанном движении *федеральных, конфедеративных и национальных* властей, которое всегда отличало динамику европеизма, сегодня стоит рассмотреть парадоксальную диалектику, согласно которой то, что формально казалось ограничением – вес государств и сохранение ими за собой суверенитета, – сегодня может оказаться фактором ускорения и централизации исполнительной власти. Стратегическая зависимость Европы от Соединённых Штатов проявилась особенно остро – как в войне на Украине, так и в Газе. Но перевооружение или действия «коалиции желающих» показывают, как неизвестные факторы нестабильного американства могут сбить стратегический консенсус европеизма по-новому.

Октябрь 2025 г.

¹ - Приусадебный участок (фр.).